

УДК 316.4

Хлопов Олег Анатольевич

кандидат политических наук, доцент кафедры
американских исследований
Российского государственного гуманитарного
университета
Россия, Москва

rggu2007@rambler.ru

Oleg A. Khlopov

PhD (Candidate) in Political Sciences, Associate
Professor of the Department of American Studies,
Russian State University for the Humanities
Russia, Moscow

rggu2007@rambler.ru

ПРИЧИНЫ ЭВОЛЮЦИИ КОНЦЕПЦИИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В XXI ВЕКЕ

Аннотация

Технологические изменения и трансформация моделей социально-экономического развития отражают преобладающие сдвиги в схемах и концепциях энергетической безопасности в XXI веке, и приводит к обсуждению нового понимания энергетической безопасности. Цель статьи заключается в проведении анализа содержания традиционной концепции энергетической безопасности и причин появления концептуально нового подхода к трактовке содержания «энергетическая безопасность», а также в раскрытии причин появления в научные исследования новой концептуализации энергетической безопасности. Методы исследования: методологической основой исследования составляют методы системного подхода, прогнозирования, структурно-функциональный, анализа документов и источников. Результаты: в статье дан анализ причин трансформации энергетической безопасности в условиях изменяющегося мира и внедрения новых технологий, раскрыты попытки концептуализации энергетической безопасности и новые проблемы и угрозы энергетической безопасности в XXI веке. Используя ключевую литературу и опираясь на исследования, отражающие различные точки зрения на процесс и результаты появления новых концептуальных подходов к трактовкам «энергетическая безопасность» автор делает вывод о том, что необходимо пересмотреть традиционные определения и концепции энергетической безопасности.

Ключевые слова:

энергетическая безопасность, нефть, газ, государственные компании, неолиберализм, возобновляемые источники энергии

REASONS FOR EVOLUTION OF THE CONCEPT OF ENERGY SECURITY IN THE XXI CENTURY

Abstract

The relevance of the article is influenced by the importance of energy, which plays an important role in the economy and politics of developed and developing countries and for exporters and importers of hydrocarbon resources that have their own energy security strategies. Today at the same time we have a technological change and the transformation of the models of socio-economic development that reflects the prevailing changes in the schemes and concepts of energy security in the XXI century, which leads to the discussion of the new understanding of energy security. The purpose of this article is to conduct analysis of the content of the traditional concept of energy security and the reasons for the emergence of a conceptualized new approach to the interpretation of the content of "energy security" and also to disclose the reasons for the emergence of the new conceptualization of energy security in the academic literature. Research methods: a methodological basis of research are: system approach, forecasting, structural-functional analysis, analysis of documents and sources. Results: The article reveals the reasons of transformation of the energy security concept in the changing world and discloses the attempts of conceptualization of energy security, new challenges and threats to energy security in the XXI century. Using key literature and based on research that reflect different points of view on the process and results of the emergence of new conceptual approaches to the interpretation of "energy security" the author argues that it is necessary to reconsider the traditional definitions and concepts of energy security.

Keywords:

energy security, oil, gas, state-owned companies, neoliberalism, renewable energy sources

В XX веке проблемы, связанные с энергетической безопасностью, были в основном сосредоточены на доступе к нефти. Ее геополитическое значение было признано с начала века не только из-за его критической роли в индустриализации мировой экономики, но также из-за его стратегического значения в обеих мировых войнах [13]. После Второй мировой войны важность нефти оставалась высокой в качестве основного источника энергии для многих секторов, включая транспорт, промышленность, производство продуктов питания, здравоохранение, отопление и производство электроэнергии. За некоторыми исключениями, промышленно развитые страны не производили достаточно нефти для удовлетворения своего спроса и, следовательно, зависели от импорта нефти из стран, которые после деколонизации стали суверенными государствами. Эти страны полагались на доходы от нефти для своего экономического роста, а также для укрепления политической стабильности и повышения сплоченности общества [13].

Установленный баланс на рынке нефти был нарушен в 1973 г., когда большинство арабских стран-членов ОПЕК и некоторые арабские страны, не входящие в ОПЕК, запретили поставки нефти, первоначально в США, Великобританию, Канаду, Японию и Нидерланды, а затем в другие страны в ответ на поддержку Израиля во время арабо-израильской войны (война «Судного дня» 6–25 октября 1973 г.). Это привело к резкому росту цен на нефть и последовавшему экономическому кризису, а также к разработке стратегии, чтобы сделать поставки нефти в промышленно развитые страны менее уязвимыми для перебоев. Ключевым аспектом этой стратегии стали:: 1) создание Международного энергетического агентства (МЭА) с целью координации реакции членов ОЭСР на будущие сбои; 2) поддержка глобального рынка нефти, на котором ни одно из действующих лиц, обладающий концентрированной властью, не может прекратить поставки; 3) консолидация политического влияния США и западных стран - создание Большой семерки (G-7); прогнозирование военного превосходства в нефтедобывающих регионах, о чем свидетельствует доктрина Картера [3]

Кроме того, добыча нефти началась в новых районах, таких как Аляска и Северное море, в то время как другие источники энергии, такие как газ и ядерная энергия, а также эффективность потребления энергии, получили значительное внимание, хотя ключевую роль по-прежнему играла нефть. Стратегия имела желаемый эффект в 1980-х и 1990-х гг., когда в течение этого периода значительно

снизились цены на нефть, а основные производители были «прозападными» [9]. Более того, доминировала парадигма либерализации рынка, которая утверждает, что рынок может все регулировать сам, основываясь на предпосылке, что естественное равновесие между спросом и предложением существует (или должен существовать) и, следовательно, энергетическую безопасность необходимо рассматривать как результат большей зависимости от рыночных сил и сокращения государственного вмешательства.

Следуя этой парадигме, энергетическая политика и управление в 1990-х гг. включала приватизацию энергетических компаний, либерализацию международной торговли и рынки (в основном, нефть) и создание определенных международных институтов. Обеспокоенность и, следовательно, интерес к энергетической безопасности для стран потребителей были обусловлены доступом к источникам нефти и газа диверсификации маршрутов поставок [1]. Все изменилось в начале XXI века, когда энергетическая безопасность снова привлекла внимание промышленно развитых стран, а также быстро развивающихся стран, таких как Китай и Индия. К этому привели следующие причины.

Во-первых, значительно возросла волатильность цен на нефть. В период с 2000 по 2008 гг. цены на нефть выросли более чем в четыре раза за период устойчивого роста, который был уникальным в истории рынка нефти [8]. Это был результат сильных рыночных спекуляций цен на сырую нефть и влияние урагана Катрина на добычу нефти в США. После резкого снижения цен в связи с глобальным экономическим спадом 2008-2009 гг. цены восстановились, и последовал пятилетний период стабильности. Однако к концу 2014 г. цены на нефть снова упали. Это произошло из-за замедления роста в странах с развивающейся экономикой, таких как Китай, Россия и Бразилия. Наблюдая быстрый рост в первое десятилетие XXI века, экономическое развитие в этих странах стало замедляться после 2010 г. Это также было связано с неспособностью стран ОПЕК координировать объемы добычи нефти с другими производителями. Только в ноябре 2014 г. было достигнуто соглашение об ограничении добычи нефти.

Во-вторых, быстро растущий спрос со стороны азиатских стран оказывает давление на цены на нефть и усиливает конкуренцию за доступ к поставкам. Последствия появления этих новых держав были еще более усугублены тем фактом, что они не были членами МЭА и, следовательно, не были связаны его правилами и

механизмами. Растут опасения по поводу доступности и качества поставок нефти в связи с нынешней реальностью эксплуатации или рассмотрения вопроса о труднодоступной нефти (например, сланцевые образования в Северной Дакоте, запасы арктического газа в прибрежной зоне, канадские нефтеносные пески, глубоководная нефть побережья Бразилии). Опасения касались потенциально значительного увеличения затрат, связанных с разведкой, добычей и транспортировкой нефти и газа с отмеченных участков, что может привести к гораздо более высоким ценам на энергию, а также к серьезным экологическим последствиям. Кроме того, ускоренное истощение нефтяных запасов стран ОЭСР и других импортеры стали растущей проблемой.

Следовательно, добыча нефти (и поставки во многие страны мира) все больше концентрируются на Ближнем Востоке и на постсоветском пространстве [5]. Это создало уязвимость энергоснабжения из-за событий в этих странах и, уязвимости маршрутов транспортировки из этих регионов в страны-импортеры, которые характеризуются рядом «критических точек» (ежедневный транзит объема нефти осуществляется через пролив Ормуз, Малаккский пролив и Суэцкий канал).

В-третьих, поддерживаемые государством и финансируемые национальные (государственные) нефтяных компаний, которые создали новое измерение борьбы за власть на мировом нефтяном рынке. Так китайская национальная нефтегазовая корпорация (CNPS) стремились приобрести долю в добыче нефти и газа за рубежом, которая была достигнута в 20 странах [2]. В случае России (экспортер нефти и газа «Роснефть», «Газпром», «Транснефть») управляют углеводородными ресурсами страны и, следовательно, играют ключевую роль в стимулировании ее экономического роста, а также международного экономического и политического сотрудничества. По сути, традиционно доминирующие страны ОЭСР сегодня утратили контроль над предложением и спросом на нефть. Если в 1960-х и 1970-х гг. контроль над поставками был утрачен с созданием ОПЕК и независимости, полученной богатыми нефтью странами, то в начале XXI века контроль над спросом был утерян из-за быстрого роста спроса со стороны азиатских экономик и образования государственных нефтегазовых компаний.

Ряд других факторов в последние два десятилетия еще больше усугубили опасения за энергетическую безопасность. Перебои с поставками газа в страны ЕС в 2006, 2009 и 2014 гг. во время российско-украинского кризиса привели к осознанию

необходимости диверсификации маршрутов поставок газа в Западную Европу. Кроме того, ядерные аварии (последняя из которых произошла в Японии на атомной станции Фукусима в 2011 г.) высветили уязвимость энергетических систем, вызванную человеческими ошибками и стихийными бедствиями. Это вместе с проблемами и последствиями утилизации ядерных отходов привело к значительному сокращению использования ядерной энергии западными странами [6].

Хотя основная проблема, касающаяся энергетической безопасности на протяжении большей части XX в. была связана с доступом к нефти, широта источников энергии, а также технологические достижения, позволяющие их эксплуатировать, и множественность угроз и уязвимостей энергетических систем во всем мире привели к расширению понимания концепции энергетической безопасности. Этот сдвиг был очевиден еще в 2005 г., когда Всемирный банк в 2005 г. определил энергетическую безопасность как «обеспечение того, чтобы страны могли устойчиво производить и использовать энергию по разумной цене для того, чтобы содействовать экономическому росту и, тем самым, сокращать бедность; и напрямую улучшать качество жизни людей путем расширения доступа к современным энергетическим услугам» [12. Р. 3].

В 2011 г. МЭА опубликовало доклад «Модели энергетической безопасности», в которой, хотя и признается сохраняющаяся важность нефти, подчеркивается, что существующие стратегии энергетической безопасности должны включать всесторонний анализ политических, экономических и природных рисков, связанных с ними, а также рисков, связанных с энергетической инфраструктурой и услугами. Тем самым МЭА признает, что энергетическая безопасность имеет много аспектов.

В долгосрочной перспективе энергетическая безопасность связана с экономическим развитием и экологическими потребностями, а в краткосрочной перспективе - со способностью энергетических систем быстро и адекватно реагировать на резкие изменения в равновесии спроса и предложения. Поэтому концептуализация энергетической безопасности со стороны МЭА испытывает недостаток в точности, а также не решает экологических проблем. Отказ от одномерной концепции энергетической безопасности также очевиден в стратегии энергетической безопасности ЕС, опубликованной Европейской Комиссией в 2014 г. [7]. В Стратегии отмечается, что «стабильные и обильные запасы энергии» имеют решающее значение для «процветания и безопасности» Европейского союза. Кроме

того, она включает в себя конкретные цели по смягчению долгосрочных проблем, связанных с поставками: повышение энергоэффективности; сдерживание спроса; разработка новых технологий; увеличение производства энергии; диверсификации поставщики и маршруты; создание внутреннего энергетического рынка и отсутствие инфраструктурных связей; укрепление механизмов реагирования на чрезвычайные ситуации и защита критически важной инфраструктуры; и иметь один голос на внешнюю энергетическую политику и улучшить координацию национальной энергетической политики.

Тем не менее, в концептуализации энергетической безопасности ЕС не хватает ясности в том, что касается возможности определить, что означает «изобилие предложения», и не представлен аргумент в пользу его уместности, учитывая тот факт, что цена служит регулирующим инструментом предложения и спроса на все товары и услуги. Более того, это определение не учитывает последствия выбора энергии для окружающей среды. Группа семи (G7: Соединенные Штаты, Канада, Япония, Великобритания, Франция, Германия и Италия) приняла аналогичное направление, что в 2014 г., изложил набор из семи принципов энергетической безопасности, устанавливая новую парадигму энергетической безопасности, чтобы поддержать национальные и коллективные стратегии энергетической безопасности государств-членов [11].

Эти принципы повторяют принципы, изложенные в стратегии энергетической безопасности ЕС: 1) развитие энергетических рынков; 2) диверсификация энергетических ресурсов, поставщиков и маршрутов, а также поддержка местных источников энергии; 3) повышение энергоэффективности спроса и предложения; 4) инвестирование в исследования и инновации и содействие внедрению чистых и устойчивых технологий; 5) ускорение перехода к низкоуглеродной экономике и сокращение выбросов парниковых газов; 6) повышение устойчивости энергосистемы; и 7) разработка систем аварийного реагирования.

Сегодня мы наблюдаем зарождающийся сдвиг в преобладающей парадигме энергетической безопасности, которая XX в. была сосредоточена на обеспечении поставок нефти [4]. Существуют различные мнение о том, какой набор критических компонентов образует политическую парадигму, хотя большинство исследователей согласны с тем, что следует включать следующие элементы [10].

Во-первых, общепризнанно, что проблемы энергетической безопасности сместились с акцента на доступ к нефти к охвату множества измерений. Кроме того, анализ существующих определений и стратегий в области энергетической безопасности международных институтов, таких как Всемирный банк и МЭА, и наднациональных организаций, таких как ЕС и Группа семи, а также отдельных стран, показывает появление общего набора принципов - диверсификацию источников, поставщиков и маршрутов; эффективность в удовлетворении спроса и в цепочках поставок; устойчивость системы и потенциал реагирования на чрезвычайные ситуации, подкрепленный и поддерживаемый технологическими инновациями и надежными рынками энергии.

Эти принципы формируют концептуальные основы формирующейся парадигмы и лежат в основе стратегий энергетической безопасности и широких политических целей как промышленно развитых (например, Германия, Япония), так и развивающихся стран (например, Китай, Бразилия).

Во-вторых, появился ряд организованных участников такие как МЭА, Всемирный банк, ЕС, Всемирный энергетический совет, министерства энергии (например, Министерство экономики, торговли и промышленности Японии, METI), экологические группы и т.д. Перед ними стоит задача переосмыслить энергетическую безопасность с учетом динамического и сложного характера проблем, и разработать стратегии по их смягчению и решению. Как ни странно, вклад агентов с особым опытом также был выявлен научными и исследовательскими институтами в области энергетической политики, технологий использования возобновляемых источников энергии, управления природными ресурсами и экологической устойчивости, которые стремятся улучшить наше понимание того, что представляет собой энергетическую безопасность, и как лучше всего решить проблемы, связанные с ним, как оценить эффективность предлагаемых решений.

В-третьих, это внедрение механизмов для решения проблем энергетической безопасности, которые возникли в странах по всему миру в форме законодательных и нормативных актов, таких как Закон Китая о возобновляемых источниках энергии (2005 г.) и Закон об энергосбережении (2007 г.), Закон Германии о возобновляемых источниках энергии (2014 г.), Схема Японии по возобновляемым источникам энергии (2010 г.). Кроме того, многие страны ввели меры по продвижению возобновляемых источников энергии на основе определенных элементов: количества (Стандарты

портфеля возобновляемых источников энергии (ВИЭ), обязывающие энергетические компании использовать минимальное количество энергии ВИЭ, например, в Канаде, США, Австралии, Швеции, Польши и Румынии; цена, обязывающая энергетические компании покупать энергию у ВИЭ по фиксированным ценам, таким как в Китае, Бразилии и большей части ЕС; и сочетание обоих, например в Великобритании, Италии и Японии.

Хотя формирование парадигмы энергетической безопасности XXI в. касается концептуальных рамок, а также создания специализированных учреждений, уже наблюдается быстрый прогресс, хотя инструменты реализации и их фактическое применение отстают, что подтверждает возникающий, и не полностью завершённый статус парадигмы энергетической безопасности.

Многие, если не большинство исследователей, рассматривают энергетическую безопасность как многомерную конструкцию, концептуализация которой является контекстуальной, а не чем-то, что могло бы быть общепринятым. Обучение и условия в определенной стране являются важными факторами понимания энергетической безопасности. Анализ различных аспектов энергетической безопасности показывает, что произошел переход от узконаправленного подхода (безопасность означает надежные поставки нефти) к гораздо более широкой многомерной концептуализации, которая включает управление спросом и предложением энергии, разработку новых технологий, производство энергии из ряда источников, диверсификацию поставщиков и устойчивость энергетической системы.

Эти широкие подходы к энергетической безопасности имеют свои достоинства и, благодаря их множественности и сходству между ними, формируют возникающую парадигму. Однако широкие подходы также имеют некоторые недостатки, среди которых наиболее важными являются отсутствие точности, попытка охватить слишком много измерений, неспособность решить экологические проблемы, и недостаточное внимание к долгосрочной перспективе и устойчивости.

В отличие от широких взглядов, новая *концептуализацию энергетической безопасности сосредоточена на двух взаимосвязанных компонентах - постоянно увеличивающемся производстве электроэнергии из возобновляемых источников энергии и повышении эффективности использования углеводородных ресурсов.* Возобновляемые источники энергии и энергоэффективность требуют качественного управления, а не дополнительных политических действий, и это формирует повестку

дня правительства в области энергетической безопасности. Ее содержание заключается в постепенном отходе от зависимости от ископаемого топлива до увеличения использования возобновляемых источников энергии, что ведет к обеспечению долгосрочной экономической, социальной и экологической устойчивости. Это предлагает новое понимание проблем энергетической безопасности.

Список использованных источников

1. Хлопов О.А. Энергетическая безопасность в теории и практике международных отношений: монография / О.А. Хлопов. – М.: ИИУ МГОУ, 2016. – 254 с.
2. Bridge, G., Le Billon, P. Oil (2nd ed.). Cambridge: Polity Press. 2017.
3. Carter, J. State of the Union Address. 1980, January 23. – URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=33079> (дата обращения 18.02.2020).
4. Carson, M., Burns, T. R., & Calvo, D. (Eds.). . Paradigms in Public Policy: Theory and Practice of Paradigm Shifts in the EU. Frankfurt am Main: Peter Lang. 2009.
5. Cherp, A., Jewell, J. The Three Perspectives on Energy Security: Intellectual History, Disciplinary Roots and the Potential for Integration. Current Opinion in Environmental Sustainability, 2011- № 3(4). Pp. 202–212.
6. Dannreuther, R. Energy Security. Cambridge: Polity Press. 2017
7. European Commission. European energy security strategy. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. 2014- 330 Brussels, 28.5.2014.
https://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/documents/20140528_energy_security_study.pdf (дата обращения 10.02.2020).
8. International Energy Agency (IEA). World energy outlook 2013. OECD IEA. Paris cedex 15: IEA Publications 2013. – URL: <https://www.iea.org/publications/freepublications/publication/WEO2013.pdf> (дата обращения 18.02.2020).
9. Kuzemko, C., Keating, M. F., Goldthau, A. The Global Energy Challenge: Environment, Development and Security. London: Palgrave. 2016.
10. Mouraviev, N., Kakabadse, N. Public-Private Partnerships in Russia: Dynamics Contributing to an Emerging Policy Paradigm // Policy Studies, 2014 № 35(1), Pp.79–96.

11. US Department of Energy. Valuation of Energy Security for the United States. Report to Congress. Washington, DC: United States Department of Energy. 2017, January - URL: [https://www.energy.gov/sites/prod/files/2017/01/f34/Valuation%20of%20Energy%20Security%20for%20the%20United%20States%20\(Full%20Report\)_1.pdf](https://www.energy.gov/sites/prod/files/2017/01/f34/Valuation%20of%20Energy%20Security%20for%20the%20United%20States%20(Full%20Report)_1.pdf) (дата обращения 04.02.2020).
12. World Bank. Energy Security Issues. No. 36110. Moscow and Washington, DC: The World Bank Group. 2005, December 5. – URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/464811468175435408/pdf/361100ENGLISH-01gy1Security01PUBLIC1.pdf> (дата обращения 08.02.2020).
13. Yergin, D. Ensuring Energy Security // Foreign Affairs, 2006, № 85(2). Pp.69–82.